

© **Евгений Александрович Плеханов**

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры социально-
гуманитарных дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: eaplekhanov@gmail.com

Plekhanov E. A.

Doctor of Pedagogy
Associate Professor, Professor of the
Department of Social and
Humanitarian Disciplines,
Vladimir branch of the RANEPa,
Vladimir

© **Ксения Игоревна Курочкина**

студент факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: kurochkina_ksyunya@inbox.ru

Kurochkina_Ksyunya

Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPa,
Vladimir

ИДЕЯ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ И КАНТА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

The idea of law in the philosophy of Hegel and Kant: a comparative analysis

***Аннотация.** В статье рассматривается идея права в философско-правовых учениях Гегеля и Канта. Сравнительный анализ позволил установить ряд общих положений, касающихся правовой справедливости, права частной собственности, основ договорного права, теории наказания. Вместе с тем различие философско-методологических позиций обусловило серьезные расхождения между немецкими мыслителями в понимании социальной природы права.*

***Abstract.** The article examines the idea of law in the philosophical and legal teachings of Hegel and Kant. The comparative analysis allowed us to establish a number of general provisions concerning legal justice, private property rights, the basics of contract law, and the theory of punishment. At the same time, the difference in philosophical and methodological positions led to serious discrepancies between German thinkers in understanding the social nature of law.*

***Ключевые слова:** философия права, Гегель, Кант, идея права, справедливость, государство.*

***Keywords:** philosophy of law, Hegel, Kant, the idea of law, justice, the state.*

И. Кант и Г. В. Ф. Гегель – представители европейского Просвещения, оказавшие серьёзное влияние на формирование современной юридической науки. Сравнительный анализ, учитывающий различие философско-методологических позиций немецких мыслителей, позволяет показать альтернативность в развитии классической правовой мысли.

В предисловии к «Философии права» Гегель специально подчеркивает, что в отличие от «позитивной юриспруденции», которая имеет дело с

явлениями особенного права, философия есть теория права как такового. Поскольку же теория – это развернувшееся в систему понятие, то «надо стремиться понять и право как мысль» [1, с. 58], которая есть не субъективное представление о праве, а понятие самого права. На первый взгляд такая постановка проблемы соответствует кантовскому убеждению в том, что философия права должна быть теорией «чистого права», учением о праве как таковом. Однако формальность такого совпадения, становится очевидной, как только возникает вопрос о соотношении правовой теории и юридической практики. Вероятно, Гегель поддержал бы Канта в его язвительном замечании, что «чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [2, с. 139], поскольку также считал, что позитивное право должно исходить из философски постигнутого понятия права. Но, в отличие от Канта, Гегель считает, что представлять «различие между естественным или философским правом и позитивным правом таким образом, будто они противоположны и противоречат друг другу, было бы совершенно неверным» [1, с.62].

Гегель признает необходимость определенной *исходной точки*. Поэтому «понятие права по своему становлению трактуется вне науки права, его дедукция предполагается здесь уже имеющейся, и его следует принимать как *данное*» [1, с. 60]. Однако дальнейшее обоснование понятия права уже не должно носить характера логических дефиниций, а должно утверждать себя в объективной логике сменяющих друг друга предметных форм права. Их история есть одновременно и развитие понятия права от абстрактной его формы к высшей ступени, когда право совпадает со своим понятием. Как и Кант, предметом философии права Гегель считает «*идею права*» (здесь и далее курсив в цитатах наш. – *Прим. авт.*). Однако если у Канта идея тождественна априорному понятию нашего разума, то Гегель понятие рассматривает в единстве с его осуществлением. Отношение между понятием и его существованием аналогично взаимосвязи души и тела. Идея есть «не только гармония наличного бытия и понятия, но их полное взаимопроникновение...» [1, с. 59].

В понимании сущности (субстанциональности) права оба мыслителя стоят на позициях либертарианства, хотя и проводят принцип свободы с разной степенью последовательности. Для Канта свобода является основанием права только во «внешнем применении» и в той мере, в которой возможно «сочетать всеобщее взаимное принуждение со свободой каждого» [2, с. 141]. У Гегеля понимание свободы значительно радикальнее, что позволяет ему утверждать, что «*право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли*. Тем самым право есть вообще свобода как идея» [1, с. 89]. Кантовская трактовка права включает в себя негативную и позитивную стороны. Первая состоит в утверждении необходимости ограничения свободы (произвола), а вторая – в постулате свободы воли как того, что а priori присуще практическому разуму. У Гегеля же свобода есть

основное определение воли. «Воля без свободы – пустое слово, так же как свобода действительна лишь как воля, как субъект» [1, с. 68].

Вопрос о субъекте свободной воли имеет для Канта и Гегеля принципиальное значение и выходит далеко за рамки философии права. Хотя Кант старательно воздерживался от введения в критическую философию понятия «субъект», предпочитая анализировать способности «чистого» теоретического и практического разума, тем не менее носитель разума ассоциировался у него если не с эмпирическим, то, во всяком случае, с особым индивидом, развившим и реализующим свои человеческие способности. Когда речь шла о субъекте общего разума и воли, то это требовало помыслить совокупность отдельных людей (народ, а в пределе – все человечество) так, как если бы (als ob) каждый из членов этого множества воплотил в себе человеческую сущность. У Гегеля в качестве абсолютного и всеобщего субъекта выступает дух, основным определением которого является свободная воля, что позволяет рассматривать свободу субстанционально, как то, что не может быть ограничено извне. «Система права, – утверждает Гегель, – есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [1, с. 67].

Снятие внешних ограничений в отношении свободы не означает волюнтаризма, то есть абсолютизации негативной свободы. Кант был прав, проводя принцип осознанного самоограничения воли, благодаря чему воля становилась одновременно и свободной, и разумной. Однако отнесение права исключительно к компетенции практической способности отодвигало рефлексивную функцию разума на второй план. Даже тогда, когда воля вынуждена отдавать себе отчет в характере своих действий, знание в виде императивного закона выступает по отношению к поступку как внешнее суждение долженствования. Для Гегеля «различие между мышлением и волей – лишь различие между теоретическим и практическим отношением, но они не представляют собой двух способностей – воля есть особый способ мышления: мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие» [1, с. 68-69]. Поскольку невозможно обладать волей без интеллекта, то теоретическое имманентно содержится в практическом. Вместе с тем без воли невозможно теоретическое отношение, поскольку мышление – это тоже деятельность, волевой акт.

Стирая грань между кантовским теоретическим и практическим разумом, Гегель приходит к выводу, что рефлектирующая воля осознает себя посредством понятия свободы и одновременно полагает свободу как основу разумной действительности. «Идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понятии и наличном бытии этого понятия» [1, с. 59]. Если понятие аналогично душе, а наличное бытие этого понятия – телу, то внутренняя и необходимая логика развертывания понятия права должна определять наличные формы правовой действительности.

У Канта понятие «чистого права» оказывалось отделённым от эмпирической правовой реальности и поэтому не могло получить содержательного, предметного определения. Согласно Гегелю, то всеобщее определение права, которое вытекает из а priori полагаемой свободы, в действительности является всего лишь наиболее абстрактной формой права, исходной ступенью на пути к его разворачиванию в содержательно конкретное понятие. «Каждая ступень развития идеи свободы обладает своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений» [1, с. 90]. С этой точки зрения, моральность, нравственность и государство являются формами наличного бытия свободы, а потому каждая из них в отдельности есть особенное право. Ошибка Канта состоит в том, что право как таковое он отождествляет с «формальным правом абстрактной личности», т.е. видовое понятие принимает за родовое.

Данный упрек в адрес Канта вряд ли всецело справедлив. Во-первых, под «абстрактной личностью» у Канта понимается не только отдельное лицо, отношения которого с другими лицами составляют сферу частного права, но и государство в качестве коллективного (всеобщего) лица, с которым граждане вступают в публичные правовые отношения. Что касается международного права, то и здесь право предстает в виде отношений между народами, волю которых выражают национальные государства. Следует признать правоту Канта в том, что правоотношения не могут быть обезличенными, анонимными; это всегда отношения между лицами (физическими или юридическими) как субъектами прав и обязанностей.

Во-вторых, разводя право и мораль, юридические и нравственные законы, легальность и моральность поступка, Кант не противопоставляет их друг другу, не рассматривает как нечто взаимоисключающее, поскольку основанием и моральных, и юридических законов является один и тот же императив практического разума. Акцент на различии этих законов призван подчеркнуть своеобразие права, более четко очертить его границы, за которыми начинается сфера частной жизни человека, где формальной власти закона не должно быть места.

Расхождение между мыслителями в понимании права имеет принципиальный характер. Согласно Канту различие между правом и моралью определяется характером причины, ограничивающей свободу субъекта. В случае права такой причиной является внешняя по отношению к индивиду воля другого субъекта (лица или государства), принявшая форму закона. Моральный поступок обусловлен внутренним мотивом в виде долга, то есть осознанного убеждения в необходимости следовать всеобщему и необходимому нравственному правилу (категорическому императиву).

Для Гегеля кантовское понимание права не является исчерпывающим. Оно представляет собой лишь начальную ступень в становлении понятия права, на которой свободная воля обретает наличное бытие путём обладания чувственными предметами. Поэтому возможность частной собственности (вещное право) – основа частного права вообще, включая и личное право,

которое есть право взаимного отчуждения собственности посредством договора. Что касается отношений, регулируемых вещно-личным правом и включающим в себя у Канта брачное, родительское право и право хозяина дома, то Гегель справедливо относит их к сфере нравственности. При этом ретрибутивное право, которое Кант относил к публичному праву, Гегель рассматривает в составе абстрактного права.

Диалектическим отрицанием абстрактного права, основанного на внешней свободе индивида, является моральность, в сфере которой свобода приобретает внутренний характер, благодаря чему субъект способен самостоятельно определять практические действия и поступки. Но абстрактное право, так же, как и моральность, одинаково односторонни. Их единство составляет более высокую форму права – нравственность, ступенями которой являются семейное право, гражданское право и право государства. Последнее выше других ступеней, поскольку представляет свободу в ее конкретном образе. Таким образом, «говоря здесь о праве, – пишет Гегель, – мы имеем в виду не только гражданское право, которое обычно под этим понимают, но также и моральность, нравственность и всемирную историю, которые также сюда относятся, так как понятие объединяет мысли согласно истине» [1, с. 94].

Исходным состоянием в развитии идеи права у Гегеля является право в его наиболее абстрактной форме. «В сфере абстрактного или формального права... внешним наличным бытием воли является не созданный ею предмет со свободным содержанием, а непосредственная внешняя вещь» [5, с. 51]. Это право, обусловленное свободой индивида, осознающего себя в качестве частного лица (единичной воли) среди других таких же индивидуальных лиц, обладающих правоспособностью. «Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому *формального* права. Отсюда веление права гласит: *будь лицом и уважай других в качестве лиц*» [1, с. 98].

Эта формула абстрактного права по существу совпадает с кантовским правовым императивом: «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [2, с. 140]. Различие заключается в том, что в составе частного права право собственности Кант относит к вещному, а не личному праву, тогда как Гегель справедливо подчеркивает, что на ступени абстрактного права все виды отношений являются отношениями между частными лицами, опосредованными вещами. «*Всякий* вид права принадлежит лишь лицу, и объективно право, основанное на договоре, есть право не на лицо, а лишь на нечто ему внешнее или право на нечто отчуждаемое от него – всегда право на вещь» [1, с. 100]. Поскольку только личность имеет право на вещи, как нечто внешнее по отношению к ней, включая собственное тело и жизнь, то *личное* право есть одновременно и *вещное* право. С другой стороны, вещное право есть право *личности*. Поэтому разделение на вещное и личное право, присущее римской юриспруденции, касается не разных видов права, а

разных аспектов одного права. Это обстоятельство не учитывалось Кантом, выделявшим лично-вещное право. Неправомерность отнесения брачного, родительского и домашнего права к области лично-вещных отношений по Гегелю обусловлено тем, что субстанциональные отношения между членами семьи носят не договорный, а нравственно-этический характер.

Формальность абстрактного права, которое в первоначальном состоянии выступает как *возможность* конкретного поступка (полномочие) и ограничивается запретом нарушать права других личностей, преодолевается в *праве собственности*, в *договорном праве* и в праве как противоположности *неправа*.

Право собственности обретает свою конкретность (наличное бытие) в возможности подчинения вещи субъективной воле каждого лица. Собственность – это владение вещью частным лицом. Как и Кант, Гегель отличает физическое владение вещью и от владения собственностью (умопостигаемого владения по Канту), которое является правовым отношением. Вещь есть нечто внешнее по отношению к нашей воле, не обладающее субстанциональностью и потому правомочное находиться в нашем полном распоряжении. Но у Канта *моё* означает продолжение личности за пределами ее тела. «Внешнее *моё* – это то из находящегося вне меня, препятствовать в использовании чего по моему усмотрению означало бы... ущемление моей свободы, совместимой со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [2, с. 159]. Целью владения собственностью, следовательно, является расширение и укрепление личной свободы субъекта. У Гегеля же, напротив, «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности» [1, с. 101] через ее полагание в «свое-другое» в форме внешней вещи, находящейся во власти нашей воли. Противоположность воли и вещи не абсолютна, а относительна. «Каждый имеет право сделать свою волю вещью или вещь своей волей, другими словами... переделать ее в свою, ибо вещь как внешнее не имеет самоцели... а есть нечто внешнее самой себе» [1, с. 103]. Таким образом обосновывается абсолютное право человека на присвоение всех вещей, то есть абсолютность права частной собственности.

Одним из наиболее сложных для Канта являлся вопрос о собственности индивида в отношении своего тела, жизни и способностей. С одной стороны, наше тело и присущие ему физиологические процессы, чувственные восприятия, знания и способности есть нечто внешнее, не тождественное нашей свободной и разумной воле. Но, с другой стороны, они неотделимы от нашего «я» («моё тело», «моя жизнь», «моя боль», «мои знания» и т.д.) и представляют собой нечто большее, чем вещь, в отношении которой мы можем заключить договор с другим лицом. Кантовское решение этой проблемы путём выделения «вещно-личного права» Гегель считает неверным. Его рассуждение строится на том, что личные качества, не являясь для индивида внешними, тем не менее могут отчуждаться свободным духом и подводиться под понятие внешних вещей. В абстрактном праве речь идет об

отчужденной духовной собственности, которая наряду с другими внешними вещами подпадает под юридически-правовую регламентацию. Но индивид в качестве лица может выступать только как разумное существо, внутренней собственностью которого является его тело. Правом на жизнь, как и правом на всякую другую собственность, каждый обладает только благодаря личной воле. Если в отношении моей воли моё тело – та внутренняя собственность, которой я вправе распоряжаться по своему усмотрению, то в отношении других наличное бытие моей воли выступает как конкретное единство души и тела, т.е. в качестве особенной личности. Если моему телу как внутренней собственности кто-то наносит вред, то этот вред наносится мне как личности, а не как собственнику. Этим оскорбление, нанесенное личности, отличается от ущерба, нанесенного имуществу собственника.

Аналогично Канту Гегель не отождествляет право собственности с владением собственностью. Возможность иметь нечто как *моё* проистекает из всеобщности воли и является правом каждого лица. В этом случае справедливость состоит в равном праве каждого обладать собственностью. Но формально-правовое равенство в наличном бытии каждой конкретной личности оборачивается имущественным неравенством. Если равное право на обладание собственностью справедливо с точки зрения закона практического разума (Кант), то равенство в обладании собственностью было бы неправом (несправедливостью). По Гегелю имущественное равенство принципиально невозможно, поскольку распределяющая справедливость требует, чтобы каждый из индивидов имел равное количество благ, но при этом сами индивиды неравны друг другу. Кант вопрос о неравенстве ставит значительно шире, подразумевая неравенство не только в материальном, но и в сословном, религиозном, профессиональном и других отношениях, в силу чего эта проблема относится им к сфере публичного права. Эмпирическое неравенство справедливо, поскольку оно результат того, что члены общества по-разному воспользовались равными возможностями, предоставленными им правом для развития своих способностей.

Гегелевская трактовка собственности более емко очерчивает это право, предусматривающее: а) *владение вещью*; б) ее *потребление* и в) *отчуждение*. Как и у Канта, частная собственность предполагает приоритетность первого владения, достигаемого путем либо *физического захвата*, либо *формированием*, либо *обозначением*. Физический захват – наиболее простой способ завладения, становящийся тем более эффективным, чем более совершенные средства (оружие и инструменты) для этого используются. Здесь подразумевается и вопрос о законности захвата европейскими переселенцами земель коренных народов. Если Кант вполне определенно заявлял о неправомерности такой практики, поскольку она противоречит праву первого владения, то Гегель благоразумно уклоняется от обсуждения этого вопроса, утверждая вопреки историческим фактам, что захват является ограниченным и единичным способом обретения собственности.

Вступление во владение посредством формирования в наибольшей мере отвечает идее собственности. Формирование – это создание полезного предмета путем изменения его природной формы. Результат труда человека естественно принадлежит этому человеку и является его законной собственностью. В связи с этим Гегель касается темы рабства и господства одного человека над другим. Антиномичность ее в том, что правовое обоснование рабства исходит из представления о человеке как природном, то есть несвободном, существе, тогда как противники рабства указывают на то, что рождаясь, каждый человек уже обладает свободой. Отмечая формальный характер этого противоречия, Гегель отдает предпочтение той стороне, которая утверждает свободу как абсолютную исходную точку. Но, отвергая рабство, он оговаривает, что оно коренится и в недостатке воли тех, кто отдает себя в рабство, превращая тем самым неправое в право угнетателей.

Вступление во владение посредством обозначения наиболее совершенный, но неопределенный по предметному объему и значению способ. Он заключается в маркировании вещей знаками, манифестирующими их собственника.

Потребление вещи, с одной стороны, обусловлено правом частной собственности, а с другой – является ее элементом. Важный вопрос: может ли вещь, находящаяся в собственности одного лица, быть предметом совместного потребления с другими лицами – получает у Гегеля отрицательный ответ, поскольку это допускало бы наличие у одной вещи двух или более собственников. Противоречие между формальным требованием единоличной собственности и нормами римского права, допускавшего пользование доходами от чужой собственности, свидетельствует лишь об исторически продолжительном времени, необходимом для утверждения идеи свободы собственности в самосознании христианского духа. Тем не менее такие факты, как общее пользование предметами искусства, историческими и архитектурными памятниками, мемориалами и т.д., нельзя рассматривать в качестве «пережитков» архаического неправа. Право их публичного потребления Гегель объясняет истечением срока *давности* права частной собственности, вследствие чего «покинутая действительностью воли и владения» вещь становится бесхозной.

Наиболее важным свойством собственности является возможность ее *отчуждения*. Отчуждение – важнейшая категория гегелевской философии, выражающая способность духа принимать форму «своего чужого» и тем самым полагать свою противоположность. Отчуждение собственности состоит в ее передаче другому лицу, т.е. в смене собственника.

Отчуждение чего из того, что является *моим*, может быть правомочным? Кант полагал, что всё находящееся в собственности лица находится в его полном распоряжении и, следовательно, может отчуждаться по произволу (свободному решению) собственника. Исключение из этого правила касается объектов вещно-личного права, которое предполагает владение предметом как *вещью*, а пользование им как *лицом*. Последнее обстоятельство

законодательно исключает отчуждение. «Приобретение на основе такого закона, – пишет Кант, – бывает в отношении предмета трояким: *мужчина* приобретает *женщину*, *чета* приобретает *детей*, а *семья* – *прислугу*. Все эти предметы приобретения неотчуждаемы, и право их владельца есть *самоё личное право*» [2, с. 191]. Оговаривая, что члены семьи (дети и прислуга) – свободные лица, не находящиеся на положении домашних рабов, Кант тем не менее признает за хозяином дома вещный способ владения домочадцами, его полное право вернуть «актом одностороннего произвола» самовольно покинувших дом детей или слуг.

Не допуская подобной двойственности, в которой усматривается не преодоленная Кантом ограниченность римского семейного права, Гегель к неотчуждаемым в правовом отношении относит субстанциальные определения личности – самосознание, свободу воли, нравственность, вероисповедание. Однако правовая неотчуждаемость личности не означает ее неотчуждаемости в наличном бытии. Примерами этому служат «рабство, крепостничество, неспособность обладать собственностью, несвобода собственности и т.д., отчуждение разумности интеллекта, моральности, нравственности... правомочия определять и предписывать мне, какие поступки мне следует совершить... что считать долгом совести, религиозной истиной и т.д.» [1, с. 122]. Состояние отчуждения, которое по Гегелю есть внешнее выражение незрелости исторического и индивидуального самосознания человека, позволяет обращаться с личностью, как с чем-то вещным. «Снятие» отчуждения возможно только как возвращение личностью своей правоспособности, нравственности и религиозности, то есть субстанциальной сущности. И Гегель, и Кант признают: чтобы индивид стал «сам себе господином», он имеет абсолютное право на полноту обладания своей личностью: раб – путем освобождения, должник – в результате расторжения навязанного договора, верующий – превращая религию в предмет личной веры.

С проблемой отчуждения личности тесно связано отчуждение духовных способностей человека, реализуемых в произведения искусства, в научных знаниях и изобретениях, методах и способах практической деятельности. В гегелевской постановке проблемы речь идет не о результатах духовной деятельности, а о самих способностях – о продуктивных умениях, навыках, секретах, творческих «технологиях». Незаконное присвоение чужой интеллектуальной собственности есть *неправо*, но поскольку факт плагиата точно определить невозможно, то он по Гегелю не может быть отражен в особом правовом законе.

Проблема отчуждения непосредственно касается права индивида на жизнь. Являясь сторонником концепции естественных и неотчуждаемых прав человека, Гегель в отличие от своих предшественников не считает, что индивид имеет право лишиться себя жизни. Оправдание самоубийства исходит из того, что индивид, являясь собственником своей жизни, вправе распорядиться ею по собственному усмотрению. Однако жизнь не есть нечто

внешнее по отношению к личности, с чем можно обращаться, как с вещью. Жизнь – это всеобъемлющая целостность (тотальность) наличного существования личности. Допущение права индивида на свою жизнь означает, что допускается его право на самого себя как вещь. Но личность в правовом отношении субстанциональна, поэтому акт самоубийства свидетельствует не о смелости, а об измене человека праву, обязывающему его быть свободной личностью. Индивид может, а иногда и обязан жертвовать своей жизнью во имя личного или гражданского долга. Но это нравственный поступок, в котором, жертвуя жизнью, индивид наиболее цельно утверждает свою личность.

Только очертив круг условий, которым должно отвечать право частной собственности, Гегель обращает внимание на то, что в наличном бытии существует не только отношение собственника к вещи, но и отношения между собственниками, которые предполагают их взаимное признание в форме *договора*. Совершенно в духе Канта Гегель пишет: «В договоре я обладаю собственностью посредством общей воли; именно интерес разума состоит в том, чтобы субъективная воля стала более всеобщей и возвысилась до этого осуществления. Следовательно, определение *этой* воли в договоре остается, но в общности с некоей другой волей. Напротив, всеобщая воля выступает здесь еще только в форме и образе общности» [1, с. 128]. Договор – это способ обмена собственностью между частными лицами.

Предметом договора, уточняет Гегель, может быть только *единичная внешняя вещь*, и, следовательно, договор не является универсальной формой отношений между лицами в системе как частного, так и публичного права, как это полагал Кант. Так, имеющее место у Канта подведение под понятие договора брачного союза Гегель называет «позорным». Столь же ошибочным он считает договорную теорию государства, в соответствии с которой основу публичного права составляет соглашение, заключенное между государственной властью и народом. Согласно Канту, законодательствующей государственная власть может быть лишь тогда, когда она выражает общую волю народа, то есть совокупную волю граждан. Но в действительности гражданское состояние есть результат договора не всех, а в лучшем случае большинства. При этом каждый из участников как свободное существо вправе выйти из договора, поставив тем самым легитимность общего закона под сомнение. По Гегелю государство появляется не в результате договора между людьми, а формируется как наиболее полное воплощение в наличном бытии идеи свободы и права. Поэтому каждому необходимо быть гражданином государства, и только оно вправе решать, вступать индивиду в него или выйти.

Договор предполагает взаимное согласие сторон. Однако признание лицами условий договора справедливыми – это субъективная сторона договора, которая может не совпадать с объективной справедливостью, выражаемой понятием права. Правовой справедливости отвечает соглашение равноценного обмена, при котором собственники ничего не теряют. Критерием оценки эквивалентности обмена выступает *ценность* – всеобщее,

по которому «предметы договора при всем внешнем качественном различии вещей *равны* друг другу» [1, с. 131]. Как и Кант, Гегель считает мерой ценности качественно различающихся вещей *деньги*. «Деньги служат представителем всех вещей, но так как они не представляют собой саму потребность, а служат лишь ее знаком, они сами в свою очередь управляются специфической ценностью, которую они в качестве абстрактного только выражают» [1, с. 119-120]. Кант стоимость вещи, выраженную в денежной форме, связывает с количеством абстрактного труда, необходимого для создания этой вещи. «Цена (*pretium*), – указывает он, – это публичная оценка *стоимости* (*valor*) вещи в отношении к соразмерному количеству того, что служит всеобщим замещающим средством взаимного обмена *труда* (обмена)» [2, с. 204-205]. Поэтому Кант более глубоко понимает природу товарно-денежного обмена, лежащего в основе имущественного права.

Другая общая тема – это правовые гарантии договора. Для обеспечения выполнения сторонами условий соглашения Кант считает необходимым заключение дополнительного договора с поручителем, который должен иметь обязывающую силу. Но этот контракт, если он опирается на право, т.е. на свободную волю лиц, а не обеспечивается средствами внеправового принуждения, должен также подкрепляться соответствующим договором. Чтобы выйти из положения «дурной бесконечности», Гегель развивает концепцию *стипуляции*, согласно которой соглашение должно принять знаково-символический вид (письменную форму по установленному порядку), то есть выступить объективированным бытием общей воли. «Стипуляция договора, – пишет Гегель, – уже сама есть *наличное бытие* решения моей воли в том смысле, что я отчуждаю мою вещь, что она уже *теперь* перестала быть моей собственностью и я уже признаю ее собственностью другого» [1, с. 133].

Касаясь классификации договоров, Гегель считает, что после Канта в этот вопрос вряд ли можно внести что-то новое.

Правовой основой договора является согласие (внутренняя всеобщность) сторон (особенных волей). Однако каждая особенная воля преследует свою личную цель в виде эгоистической выгоды, которая может не соответствовать правовой справедливости и поэтому может становиться ее противоположностью. Это отрицание Гегель называет *неправом*. Неправо – это действие, которое, не являясь в сущности правовым, тем не менее стремится предстать в форме права. Поскольку в неправе частной воле приписывается правомочность, оно представляет собой лишь *видимость* права. Являясь отрицанием *права в себе*, то есть подразумеваемого понятием права всеобщности воли, неправо снимается его отрицанием (отрицанием отрицания). «...Возвратившись из своего отрицания оно (право – *Прим. авт.*) становится *действительным*, ибо действительность есть то, что действует и сохраняет себя в своем инобытии» [1, с. 138].

Гегелем выделяется три вида неправа – *непреднамеренное*, или *гражданское*, *неправо*, *обман* и *преступление*.

В первом случае видимость права заявляет о себе как о действительном праве. Непреднамеренное неправо имеет место, когда конфликт интересов выражается в юридическом обосновании каждой из сторон своей собственной позиции. При этом существует общее согласие оппонентов в отношении правового способа решения спора. Правовая коллизия здесь заключается в том, что субъективная воля (желание, частный интерес) предъявляет видимость права в качестве действительного права. Для демонстрации правовой несостоятельности аргумента частной воли вполне достаточно показать, что он не подводится под норму правового закона.

Если непреднамеренное неправо принимает видимость права за действительное право на основе добросовестного заблуждения, то обман – осознанная подмена права его видимостью, состоящая в том, чтобы добиться признания особенной волей (жертвой обмана) неправы действительным правом. Суть обмана в злонамеренном нарушении одной из сторон принципа справедливости, заключающегося в эквивалентности обмена ценностями, при соблюдении внешних (формальных) условий договора. «За гражданское и непреднамеренное неправо не полагается наказания, ибо... (никто. – *Прим авт.*) здесь не хотел ничего противоречащего праву. Напротив, обман влечет за собой наказание, ибо здесь речь идет о нарушении права» [1, с. 141].

Особое место в философии права немецких мыслителей принадлежит теории наказания. При сопоставительном анализе ретрибутивной тематики обнаруживается общность ряда позиций. Во-первых, по мысли и Канта, и Гегеля, опасность преступления связана не столько с ущербом, нанесенным собственности, свободе или жизни конкретного лица, сколько с нарушением права как основополагающего принципа совместной жизни людей. Во-вторых, оба настаивают на том, что наказание не должно выходить за рамки права и, следовательно, не должно преследовать утилитарные цели, такие как предупреждение правонарушений, устрашение возможных преступников, их исправление, назидание по имя законопослушания. Смысл наказания – в восстановлении нарушенной преступлением правовой справедливости. В-третьих, наказанию лицо подлежит не за его личностные качества, а за совершенное им противоправное деяние. Поэтому ответственность наступает за сам факт совершения преступления, а не за его намерение. В-четвертых, при определении меры наказания оба философа исходят из принципа справедливости, предполагающей соответствие между виной и ответственностью. Основой карающей справедливости признается талион, но не в его архаической форме «равным за равное», а посредством абстрактной меры. Наконец, в-пятых, и Кант, и Гегель признают правомерность смертной казни за убийство другого человека.

Однако за общностью позиций скрываются и весьма важные различия.

Так, Кант относит тематику наказания к сфере государственного права, поскольку «наказание – это право повелителя причинить страдание подчиненному за совершенное им преступление» [2, с. 255]. Поэтому уголовному наказанию подлежит не абстрактное лицо, нарушившее частный

договор, а гражданин, посягнувший на публичные законы и тем самым представляющий опасность для всего общества. У Гегеля понятие «преступление» рассматривается в составе абстрактного права, где речь идет не об особенном понятии, а о его сущности, несовместимой с правом вообще. «Подлинное неправо, – замечает Гегель, – представляет собой преступление, в котором не уважается ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, объективная и субъективная» [1, с. 141].

При обосновании правомерности наказания оба философа исходят из того, что наказание есть принуждение в отношении принуждения, насилие над насилием. Однако способ такого обоснования разный. По Канту двойное отрицание есть утверждение. Если преступление, заключающееся в принуждении другого человека, является насилием над его свободой, то наказание как принуждение в отношении преступника является справедливым, поскольку оно восстанавливает ущемленную свободу. Логика Гегеля опирается на понятие диалектического снятия. Преступление как первое насилие, совершенное лицом, т.е. разумным и свободным существом, «бесконечно негативным образом» отрицает не только правоспособность другого лица, но и право как право. Наказание есть отрицание первого отрицания, и, следовательно, восстановление права как в его наличном бытии (справедливого правопорядка), так и в «бытии для нас» (веры в правовую справедливость). «Совершение преступления не есть первое, позитивное, к которому наказание присоединяется как отрицание, а есть негативное, так что наказание есть только отрицание отрицания. Действительное право есть снятие этого нарушения, именно этим снятием право показывает свою действенность и утверждает себя как необходимое опосредованное наличное бытие» [1, с. 145].

Весьма характерно «уточнение» Гегеля в отношении цивилизующей и окультуривающей роли «первого насилия», заключающееся в том, что если в составе ретрибутивного права первое насилие и есть само преступление, то принуждение педагога в воспитательных целях или насилие против «грубости и дикости» (подразумеваются неевропейские народы – *Прим. авт.*) вполне правомерны для утверждения значимости правовой воли. В этом вопросе Кант, считавший, что приоритетность права первого владения должна признаваться за коренным населением колонизируемых территорий, существенно расходится с Гегелем.

Оба немецких мыслителя настаивают на морально нейтральном характере наказания. Аргументация Канта носит общегуманитарный характер и сводится к недопустимости отношения к личности, обладающей автономией нравственной воли, как к средству для достижения внешней цели. Гегелевское обоснование исходит из субстанциальности воли, которая может оставаться свободной даже в условиях полного внешнего принуждения. «Принудить к чему-то можно только того, кто *хочет*, чтобы его *принудили*» [1, с. 141]. Поэтому наказание должно исходить только из внешних последствий

противоправного действия и не может касаться его внутреннего мотива. Это относится и к государственным законам, которые не должны распространяться на убеждения, ибо в сфере морали насилие не имеет смысла.

Обоснование тезиса о том, что наказание должно осуществляться исключительно в рамках права, также зиждется на различной системе аргументов. По Канту наказание – это справедливая кара именно потому, что преступник является правомочным лицом и обязан признать право власти, олицетворяющей общую волю, применить насилие по отношению к нему. Понятие преступления внутренне содержит в себе и понятие наказания. Поэтому «справедливость перестает быть таковой, если она продает себя за какую-то цену» [2, с. 257], то есть исключает заслуженное возмездие за причиненное зло. Согласно Гегелю «наказание, карающее преступника, не только справедливо *в себе...*, но есть также *право, положенное в самом преступнике*, т.е. в его налично сущей воле, в его поступке» [1, с. 147]. Поступок – это осознанное действие, в котором есть как понимание всеобщей обязательности закона, так и обязательности ответственности за его нарушение. Поэтому совершивший преступление наказывает себя сам. Суду остается лишь установить меру ответственности.

Мера ответственности – наиболее сложный и дискуссионный аспект теории наказания. Кант и Гегель занимают здесь позиции ретрибутивного права, согласно которому наказание есть справедливое (равноценное) возмещение нанесенного ущерба. Что касается имущественного (личного, по Канту) права, то оценка ущерба и величины его возмещения определяется с помощью денежного эквивалента. Значительно более сложными являются ситуации, связанные с причинением морального ущерба, незаконным присвоением интеллектуальной собственности, нанесением вреда жизни и здоровью пострадавшего. Неприемлемость талиона, как принципа карающей справедливости в его буквальном понимании, очевидна для обоих философов. Так, Кант подчеркивает, что право возмездия, во-первых, должно осуществляться в рамках правосудия, а не субъективного произвола, и, во-вторых, его нельзя «придерживаться буквально». Гегель, обосновывая талион как принцип правовой справедливости, указывает на требование всеобщей воли поступать с преступником так же, как поступил он. Это означает, что если преступление имеет определенный количественный и качественный объем, то и наказание должно иметь такой же объем. Однако установление такого равенства в каждом конкретном случае представляет основную трудность.

Хотя Кант и Гегель не были до конца последовательны в преодолении натуралистической трактовки талиона (особенно это касается Канта), тем не менее каждый из них предпринимал усилия по поиску всеобщей меры справедливости возмездия. Поскольку суть любого преступления состоит в посягательстве не на собственность в качестве частного блага, а на саму свободу как высшее право человека, то у Канта универсальным эквивалентом вины оказывается ограничение личной свободы преступника. Гегель

отталкивается от невозможности сравнивать количественные и качественные характеристики как различных видов преступлений (например, кражи и подлога документов), так и степени вины за их совершение. Однако, если возможность сравнения в сфере особенного существует, она может существовать только благодаря общему для каждого особенного. Основанием оценки справедливости наказания служит ценность – «*внутренне равное в вещах*». «Лишь со стороны... внешней формы воровство, грабёж, а также наказания в виде денежных штрафов и тюремного заключения и т.п. совершенно не равны, но по своей ценности, по тому их всеобщему свойству, что они нарушения, они *сравнимы*» [1, с. 150]. Искать соразмерности наказания преступлению – дело позитивного права. Однако как бы тщательно ни учитывались все обстоятельства и условия совершения правонарушения, возможно установление лишь приблизительного соответствия между тяжестью преступления и мерой наказания. Тем более благодаря прогрессу наказания за одни и те же преступления становятся мягче, поскольку меняется отношение между ними.

Наиболее острым для ретрибутивной концепции права до сих пор остается вопрос о смертной казни. Обосновывая возможность наказания преступника лишением жизни, оба философа вынуждены подвергнуть критике аргумент Беккариа, заключающийся в том, что ни один человек не может принять в отношении себя возможность принудительного лишения жизни и, следовательно, это право не предусматривается общественным договором. В данном доказательстве недопустимости смертной казни Кант усматривает обычный софизм, заключающийся в предоставлении преступнику права определять себе наказание, и таким образом установление вины и вынесение приговора предоставляются не суду, а отдельному лицу. С гегелевской точки зрения право государства на смертную казнь основывается не на общественном договоре, а на субстанциальности самой государственной власти, в силу которой она определяет меру наказания независимо от согласия граждан исходя из природы правонарушения. Поэтому вряд ли правильно рассматривать гегелевскую «трактовку сущности наказания в качестве формы социального явления "общей воли"» [4, с. 85]. По Гегелю преступник как разумное существо, осознающее противоправность своего деяния, уже этим деянием дает согласие на наказание. Однако «если в возмездии вообще невозможно достигнуть специфического равенства, то дело обстоит совершенно иначе при совершении убийства, которое неминуемо карается смертью. Ибо так как жизнь составляет наличное бытие во всем его объеме, то наказание не может заключаться в некоей *ценности*, которой не существует, но также должно состоять только в лишении жизни» [1, с. 151].

Кант еще более категоричен в отношении смертной казни. «Жизнь, как бы тягостна она ни была, – утверждает он, – *неоднородна* со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда» [2, с. 258]. Помимо убийства смертной казни

по Канту заслуживает ряд преступлений, представляющих угрозу общему правопорядку – участие в мятеже, государственная измена и война против своего отечества.

По сравнению с Кантом Гегель более сочувственно относился к гуманизации уголовного законодательства, благодаря чему смертная казнь становится исключительной мерой наказания.

Абстрактное право завершается у Гегеля анализом неправа, которое в его наиболее «чистой» форме преступления снимается в наказании как торжестве правовой воли. Идея права как наличное бытие воли во внешнем проходит завешенный цикл развития, моментами которого являются личное право, договорное право и ретрибутивное право. Дальнейшее развертывание идеи права предполагает более высокую ступень бытия воли в качестве внутреннего основания личности, в результате чего субъект права становится субъектом морали. Здесь траектория гегелевской мысли существенно расходится с логикой кантовской теории права, которая будет вести кёнигсбергского мыслителя от триединства частного права (вещное, личное и вещно-личное право) к триединству публичного права (государственное право, международное право и право гражданина мира).

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М. : Мысль. 1990. – 524 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. – М. : Мысль, 1965. – С. 219-310.
3. Кирсанова О. В. Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 137-142.
4. Лежнева О. Ю., Сергеева А. Ю. Суд, наказание, справедливость: особенности гегелевской трактовки // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4 (54). – С. 84-89.
5. Нерсисянц В. С. Философия права Гегеля. – М. : Юрист, 1998. – 352 с.
6. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. – М. : Университетская типография на Страстном бульваре, 1901. – 248 с
7. Рыженков А. Я. Гегелевская философия гражданского права// Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 204-208.